

Завтра выборы. Народ России должен будет выбрать себе нового президента, от которого зависит, что будет со всеми нами в будущем. Рассуждать о программах и личных качествах кандидатов уже поздно, но стоит заметить: завтрашний выбор будет зависеть от наших представлений о плохом и хорошем. Эти представления выражаются не столько в рациональных выкладках экономистов и политиков, сколько в отношении избирателей к архетипическим, общим для всего народа образам массового сознания. Таким, например, как Заяц и Волк из знаменитого мультфильма «Ну, погоди!». Волк — это, несомненно, хулиган и вообще персонаж отрицательный. Но сколько же мук и обид он принимает от хитрого Зайца! Иногда Волка жалко. Заяц мил и, кажется, безобиден. Но заячья виктимность, конечно же, провоцирует Волка на безобразные поступки, которые неизменно оборачиваются болезненным наказанием. То есть заяц в некотором роде палач. Такова диалектика взаимоотношений наших архетипических Зайца и Волка. Таковы, если угодно, представления о плохом и хорошем в народной душе. Грубо говоря, завтра мы будем выбирать между Зайцем и Волком, символическими фигурами плохого и хорошего, которые каждый понимает по-своему. С результатами этого выбора погодим до понедельника, а пока предлагаем почитать интервью одного из создателей мультфильма «Ну, погоди!».

Александр Щуплов

- КАК СЕЙЧАС живет и работает писателю Александру Курляндскому?

— Живу, как и все: и хорошо, и плохо! Жизнь — полосатая. Деньги на мои любимые мультики не дают. Поэтому я стал детским писателем, и мои мультяшные герои — Попугай Кеша, Кот, Ворона и, конечно, Волк и Заяц — живут теперь в книгах.

— У медали две стороны: ваша трилогия, недавно выпущенная детским издательством «Самовар», стала бестселлером.

— «Самовар» обратился ко мне с предложением написать книжку о популярных героях моих мультиков — Попугае Кеше, Коте и Вороне. Я написал приключенческую повесть-сказку. Названием ее стала известная реплика-слоган: «Вы не были на Таити?» Потом издатели предложили мне написать еще одну книжку — о Коте. Я написал «У нас и здесь неплохо кормят». Это грустно-смешная сентиментальная история с элементами мелодрамы. Как вы понимаете, Бог любит троицу — и мне предложили сделать третью книгу. Так родилась заключительная часть трилогии под названием «Прелестно!». Это лирическая история с детективной интригой. Хорошо, что «Самовар» пошел и выпустил трилогию к Неделе детской книги, которая проходит в дни школьных каникул.

— Получается, вы какой-то многожанровый энциклопедист!

— Вообще-то моя писательская судьба начиналась с юмора и сатиры: работал на радио и ТВ, выпустил несколько юмористических книжек, сотрудничал с «Ералашем»... Написал иронический детектив «Тайны кремлевских подземелий» с главным героем по имени Николай Борисович Елкин. Люблю писать пьесы. Вслед за комедией «Четверо с од-

ПОГОДИМ ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА

Научиться смешить нельзя, утверждает создатель Зайца и Волка из мультфильма «Ну, погоди!» Александр Курляндский

ним чемоданом» написал ее продолжение — комедию «Четверо с одним пистолетом». Для Театра Образцова написал пародийную пьесу типа «Необыкновенного концерта». В результате родилась пародия на ТВ — «Оставайтесь с нами!». Начался поиск режиссера, сопровождаемый, как водится, разными интригами. Поэтому спектакль пока не запускается. Ну и в компьютере у меня сидят четыре неоконченные книги.

— Ну а кто же все-таки придумал знаменитую на всю страну пару Волк—Заяц?

— История «Ну, погоди!» такова: в семидесятые годы на всех парах работали две творческие пары Успенский—Камов и Курляндский—Хайт. Нас в то время связывало очень многое, например, мы писали репертуар для популярного в те годы дуэта Александр Лившиц—Александр Левенбук. После успеха Чебурашки Успенский привел нас на киностудию «Союзмультфильм». Мы стали делать с режиссером

Геной Сокольским первые коротенькие — по полторы минуты — сюжетки для мультипликационного журнала «Веселая карусель». Затем — уже без Успенского (у него только что родилась дочь) — мы дружной троицей принялись писать крупноформатные сценарии «Ну, погоди!» и предлагать их разным анимационным режиссерам. Все режиссеры отказывались: боялись цензуры, которая могла угнать в наших сценариях крамолу и разную неудобоваримость. Один Котеночкин согласился. Сценарий первых 7 выпусков «Ну, погоди!» мы делали втроем: Камов, Хайт и я. Потом Феликс Камов уехал в Израиль, и с 8-го по 16-й выпуск мы делали сериал в тандеме с Хайтом. 17-й и 18-й выпуски «Ну, погоди!» я как сценарист делал один.

— Как вы ладили между собой? Вроде бы, по пословице, две бараньи головы в один котел не лезут, а у вас было аж три! И не бараньи!

— Ладили мы замечательно. Иначе нельзя: если нет общего языка, не будет творческого процесса. К тому же соавторов должно связывать что-то общее: художественный вкус, единое восприятие смешного и, конечно, человеческие отношения.

— И все-таки кто же придумал реплику «Ну, погоди!»?

— Как-то мы вспоминали, кто является автором этой реплики, и выяснили, что это был Феликс Камов. Впрочем, у нас было правило: все, что придумано за одним столом, считается придуманным всеми! Как в волейболе: один принял мяч, другой отпасовал, третий забил. Так и в смешном жанре: один придумал смешную ситуацию, другой развил ее, третий добил...

— Командная игра?

— Именно так!.. Огромная заслуга именно Котеночкина в том, что «Ну, погоди!» стало «Ну, погоди!». Котеночкин много привнес в эти фильмы. Отдаю дань уважения его таланту, хотя

мы много спорили и спорим и по сей день.

— Отголоски этих споров видны в недавно вышедшей книге Вячеслава Котеночкина «Ну, Котеночкин, погоди!»

— Книгу Котеночкина я не читал. Его эскапады оставляю на его совести.

— В той же книге Котеночкин пишет: «Я видел по мере работы с авторами сценария (то есть с нашей троицей! — А.Щ.), что они все лучше ориентируются в специфике сценариев для мультипликационного кино...» И дальше: «Мне стало ясно, что из восьми смешных эпизодов, придуманных сценаристами, придется оставить два...» и т.д.

— Я не думаю, что Котеночкин учил нас мультипликации. Все мы по жизни учимся друг у друга. Это естественный процесс.

— Вы обмолвились о цензуре. Испытывали ли вы ее давление с «Ну, погоди!»?

— Нас могли спросить: почему курит Волк, почему он плюется,

какие качества воспитывает он у людей? И вообще чему мы учим? Мы отвечали, что мы смешим. А учит пусть все остальное кино! В конце концов от нас отстали.

Ну, а в работе для эстрады или в литературе присутствие цензуры чувствовалось постоянно. Вся наша так называемая сатира (очень не люблю это слово!) была разрешена «отсюда и досюда». Эти границы знали обе стороны. Иногда дозволялось на полшага переступить границу. Или сделать подтекст. Или позволить себе намек. Читаю сейчас какой-нибудь свой рассказ в «Клубе «12 стульев» в «Литературке» того времени: все репризы выкинуты — один сюжет остался!

— Какую оценку поставили бы вы по школьной пятибалльной системе нашей нынешней сатире и юмору?

— Это смотря в каком жанре! Сатира бывает эстрадная, литературная, драматургическая... А вообще-то я не хочу ни с кем ссориться. Это мой цех, и в нем работают очень талантливые, менее талантливые и совсем неталантливые люди. В этой ситуации трудно быть судьей. Например, есть вещи, которые меня раздражают. Есть телепередачи и актеры, которых я терпеть не могу, есть ведущие ТВ, которые вызывают у меня настолько отрицательные чувства, что я выключаю телевизор. А есть замечательные мастера, которых я очень люблю и считаю безумно талантливыми. На эстраде это Жванецкий. И потом, как говорил Фишер, долго-долго никого... Репризу может придумать каждый. А вот свой угол зрения, своя поэтика есть не у каждого. Очень ценю Жванецкого.

— Ну, а что происходит в мультипликационном жанре?

— О молодых в мультипликации ничего не могу сказать: я ушел в литературу и не обладаю никакой информацией. А наши корифеи всем хорошо известны: Федор Хитрук, Юрий Норштейн, Андрей Хржановский, Эдуард Назаров, Анатолий Солин. Корифеи — они и есть корифеи... Мультипликационный жанр очень разный. Существует авторская мультипликация, где автор выражает себя без ориентации на массовую аудиторию. Она не носит коммерческий характер (хотя может быть и коммерческой!). «Ну, погоди!», «Возвращение блудного попугая» и другие мои мультфильмы рассчитаны на самого широкого зрителя. Этот род анимации требует придумывания таких характеров, которые зритель обязательно должен полюбить. Здесь очень трудно угадать. Ты стараешься и выдумываешь героя, но примет его зритель или нет — это непрогнозируемо. В этом жанре я, извините меня за нескромность, чувствую себя уверенно.

— Как становятся писателями, которые умеют смешить?

— Такими писателями не становятся — ими рождаются. Есть много людей, у которых есть смешная энергетика, позволяющая им смешить свои компании. В них сидит такая потребность. Это необходимая составляющая. Но и ее недостаточно. Замечено, что многие юмористы в жизни мрачные люди. Быть в жизни и на бумаге смешным — сочетание довольно редкое. Нужны свой

угол зрения, своя эмоция. Это все равно что музыкальный слух. То, что смешно в компании, не всегда смешно на бумаге. И потом, к каждой профессии должна быть некая способность. Так что повторяю: юмористом надо родиться. А потом ты сможешь научиться оформлять свой смех литературно. Но научить смешить — нельзя! Если человек смешит — молодец! Если нет — уж извините...

— Какая аудитория самая благодарная и благодарная для вас? Иными словами, кого легче смешить — взрослых или детей?

— Для меня — одинаково! Я с удовольствием пишу для ребят, и мне приятно, что на моих программах и спектаклях они смеются. Конечно, это зависит от аудитории, ее раскрепощенности, продвинутости, желания идти на контакт, коэффициента умственного развития. Замечу, что дети в провинции добрее, в столице они уже немного пресыщены.

То же самое происходит и со взрослой аудиторией. Зал для меня измеряется двумя критериями: интеллектуальным и человеческим. Интеллектуальный уровень аудитории исключает ее «яйцеголовость», она не должна состоять сплошь из ученых мужей. У юмора есть какой-то свой особенный интеллект. Конечно, многие юмористы опускаются до уровня зала, тогда как следует разговаривать со зрителями на определенном интеллектуальном уровне. Грубо говоря, даже если говоришь о зланице, употребляя ее синоним на «ж», то это все равно должно быть сделано изящно. Второй фактор — человеческий. В зале должны чувствоваться непосредственность и доброта и не должно быть криков: «Эй, хмырь, выйди сюда и начинай нас смешить!»

— Смогли бы вы рассмешить кого-нибудь из наших самых мрачных политиков и кого, например?

— Когда мы были молодыми, в нашей компании была одна игра. Главное ее условие — рассмешить водителя троллейбуса, продавщицу и т.д. Мы довольно удачно играли в эту игру. Помнится, я рассмешил на спор продавщицу курами. Тогда возникла ситуация с отравленными импортными курами из Голландии, и все боялись их покупать. Я подошел и спросил: «А голландской курочки у вас не найдется?»

В принципе рассмешить политиков я бы смог. Проще всего — Зюганова. Я бы ему сказал: «Я буду за вас голосовать!» Если у Геннадия Андреевича есть чувство юмора, он бы рассмеялся. Классический пример: один западный комик (запомню его фамилию) подошел на приеме к американскому президенту, протянул руку и представился: «Вильсон!» (беру фамилию наугад!). Президент в ответ: «Джонсон!» (также наугад!). Комик: «Простите, не расслышал?! Как, как?»

— Ну, а вас кто-либо из политиков мог бы рассмешить?

— Великолепный актер — Жириновский! Я часто смеюсь на его выступлениях. Он чувствует смешное и у него есть актерский талант, талант импровизатора. — Думаете, Мельпомена многое

потеряла с его уходом в политику?

— Ну, не знаю. В театре и на эстраде все-таки смешат по другим законам. Но в своем жанре Жириновский замечателен. У него есть безумно смешные импровизации, от которых я просто хохочу!.. Не менее гениальные фразы есть у Черномырдина. Например, его слоган «Хотели как лучше, а получилось как всегда» соперничает с нашим «Ну, погоди!». В этом отразилась вся наша система. Такую фразу нельзя придумать. За нее сразу надо давать Нобелевскую премию.

— Уж не за эту ли фразу американцы дали Виктору Степановичу почетную шапочку профессора какого-то университета?

— Не думаю! Они никогда не смогут понять всю ее глубину и даже не сочтут ее смешной. Для нас, россиян, это Фраза Века.

— Интересуетесь ли вы политикой?

— Я очень интересуюсь политикой. Мое поколение шестидесятников безумно заполитизировано, ведь мы жили от съезда к съезду. Сейчас идет немножко другая игра: растет поколение, которому на политику наплевать. И это замечательно!

— Смогли бы вы сами существовать в политике?

— Политиком я не смог бы стать никогда в жизни. Для этого надо обладать специфическими качествами и расчетом, а я человек эмоциональный. И потом у политиков нет ни друзей, ни врагов, а есть интересы. Это не по мне!

— Кого из наших политиков вы считаете перспективными, а кому вообще не следовало бы вылезать на политическую арену?

— Никого. Никому. Нипочему. Уж извините...

— Может ли женщина достичь успехов в политике?

— Если говорить о Тэтчер, то да. А у нас — не знаю. У меня вертится на языке одно имя, но не назову: боюсь слазить!

— Что бы вы посоветовали нашим политикам с точки зрения писателя-юмориста?

— Насколько я понимаю, сейчас сложилась трудная ситуация: инерция во всем! Состав мчится — и его не повернуть. Законы, по которым живет наше общество, не вызывают ничего, кроме возмущения. Как мы дошли до этого? Это тоже всем понятно. А вот что делать дальше?..

У меня первый разряд по шахматам. Когда приходил на матч Каспаров—Корчной или Каспаров—Карпов, всегда видел одно: стоят два каких-нибудь человека и разговаривают: «Твою мать, тут надо ходить конем!..» То же самое видишь и на футболе. Все понимают всё во всем. Я не хочу им уподобляться. Чтобы советовать политикам, надо быть политиком. Я смотрю на происходящее в стране как обыватель. Я понимаю, что меня не устраивает, как дилетант. Но как все это исправить? Честно скажу: не знаю!

— Пошли бы вы имиджмейкером или спичрайтером к какому-либо политику?

— Имиджмейкер — не моя профессия. А речугу я мог бы написать. Но нет фигуры, которая бы вдохновляла. Я уже раньше сказал: никого, никому, ни почему.

Александр Курляндский. Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)